

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕЖИМ КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

**Скорик
Александр
Павлович**

доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (346428, Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132).
E-mail: s_a_p@mail.ru

**Невесёлов
Александр
Александрович**

кандидат юридических наук, доцент кафедры публично-правовых дисциплин, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (346428, Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132).
E-mail: spirit2008net@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается активно дискутируемая в российском государствоведении дефиниция государственного режима, приводятся существующие точки зрения об идентификации государственного режима, излагается авторская позиция в отношении государственного режима и ключевых его параметров, определяется место понятия государственного режима в юридическом глоссарии, характеризуются основные формы (виды) государственного режима, доказывается целесообразность отнесения государственного режима к базовым категориям теории государства и права.

Ключевые слова: *государственный режим, государствоведение, дефиниция, политический режим, точка зрения, форма государства, юридический глоссарий.*

Государственный режим уже давно в теории государства и права относится к числу понятий, с одной стороны, утвердившихся и довольно часто употребляемых в рамках обозначенной научной и учебной дисциплины, а, с другой стороны, – находящихся в состоянии относительной смысловой размытости, частичной подмены денотата имени (первой части обозначающего понятие словосочетания), неустановленности дефиниенса (определяющего понятие словесного выражения), полной ясности экстенционала (объекта режима в лице государства), невыясненности интенционала термина (исчерпывающего круга классифицирующих его признаков) и нуждающихся в когнитивно-прагматическом анализе, причём, не только для целенаправленного поиска актуальных его российских проекций, но и для успешного развития специального научного дискурса, ведь «среди научных категорий современной теории государства и права вряд ли можно найти понятие с более неопределённым и противоречивым статусом» [1, с. 165]. Тем самым, во-первых, в нём мы видим

социально-правовой универсум, поскольку без учёта государственного режима невозможно понять и обеспечить надёжное функционирование регулятивной (под)системы общества. Во-вторых, своим воздействием он придаёт динамику государственному строительству и отчётливо проявляет форму данного государства. В-третьих, государственный режим прямо указывает на управленческий алгоритм, и здесь очень важно найти место этого режима в механизме государственной власти. Осмысление сущности государственного режима явственно позволяет отразить вектор аксиологического поворота в рассматриваемом исследователями варианте государственного управления, а также зафиксировать позиции самого государства в системе ценностных координат. В-четвёртых, динамика государственного режима становится лакмусовой бумажкой в прояснении грядущих социальных трансформаций в стране. В-пятых, государственный режим презюмирует смыслопорождающую дефиницию для государственно-правового анализа, поэтому весьма актуально определение его категориально-понятийной ниши, чему и посвящается настоящая статья.

Какой только смысл не вкладывают исследователи в понятие государственного режима! Скажем, А. Л. Бредихин акцентирует внимание на правовой стороне предлагаемого определения, на связанности формой права модели организации государственной власти, прежде всего, её закрепления в основном законе [2, с. 43]. В таком случае получается государственно-правовой режим, и дефиниция в большей мере применима к современным правовым государствам, но, подчеркнём, теория государства и права не ограничивается при выяснении содержания ключевых универсалий категориально-понятийного аппарата только современностью, хотя, безусловно, «государственный режим выступает как реальное проявление организационно-оформленной власти, как процесс её функционирования» [3, с. 49], причём, какого бы исторического периода времени это не касалось. Ряд авторов не различают и отождествляют в содержательном отношении политический режим и государственный режим, в чём имеется своя собственная логика и приверженность сложившейся в государствоведении традиции. К примеру, В. С. Нерсисянц не разделял терминологически понятие политического режима и понятие государственного режима, настаивал на дефиниции государственно-правового режима и указывал в качестве классифицирующих его индикаторов два положения: 1) «определённый правовой порядок функционирования государства»; 2) «те или иные правовые формы, процедуры, приёмы, способы и методы и осуществления государственной власти» [4, с. 65]. Целая группа исследователей отграничивают в смысловом отношении между собой толкование политического и государственного режимов и одновременно подчёркивают их взаимосвязь [3, с. 49; 5, с. 13; 6, с. 149; 7, с. 68 – 69]. В инструментальных идентифицирующих описаниях политического и государственного режимов, принадлежащих перу Ю. С. Кожевниковой, дважды фигурирует «система приёмов, методов, форм и способов». Для политического режима, по её мнению, характерно их использование всеми имеющимися в обществе политическими институтами, в том числе государственными, а для государственного режима, как полагает исследователь, речь идёт об осуществлении государственной власти в реальном общественном образовании, функциональной характеристике этой власти [8, с. 88]. При анализе элементов теории правореализации А. В. Погодин формулирует своё понятие государственного со-

циально-правового режима, считая его более терминологически точным [9, с. 37], и посвящает ему целый параграф своей докторской диссертации. Систему реализации государственной власти подразумевают под государственным режимом С. А. Панкратов и И. М. Соколов и выделяют в нём два элемента (части). Первый элемент состоит из определённого набора (или, точнее, системы) «форм, средств, способов и методов», а «второй элемент – это то, во имя чего применяется этот «набор» – «государственная власть» [10, с. 227]. Мы же думаем, не менее важно выяснить, кем применяется государственная власть. С точки зрения А. М. Осавелюка, «государственный режим – это основанный на юридических признаках формы правления реальный порядок функционирования и взаимодействия высших органов государственной власти и других элементов политической системы, складывающийся под влиянием различных политических сил (существующей партийной системы, избирательной системы, итогов выборов и др.) в указанных структурах» [11, с. 51]. Тем самым, внимание концентрируется на генерализующей корреляции государственного и политического режимов.

Ряд авторов, например, А. С. Пиголкин, ограничиваются рассмотрением только лишь понятия политического режима, не выделяя отдельно дефиницию государственного режима [12, с. 228 – 237], и выстраивают общую типологию политических режимов, причём, самым распространённым критерием в используемой типологии выступает уровень демократичности политического режима, и тогда исследователи останавливаются или на простейшем дихотомическом делении (разграничении на демократический и антидемократический), или разговор разворачивается вокруг пяти типов режимов: демократический, либеральный (полудемократический), авторитарный, тоталитарный, теократический. При анализе сюжета о политическом и государственном режимах некоторые авторы стремятся детализировать описание, скажем, проводят границу между авторитаризмом и тоталитаризмом. А вот, к примеру, В. Я. Любашиц в коллективно подготовленном и изданном учебнике рассматривает авторитаризм, «но не отдельно, а в русле тоталитарной власти как её разновидность» [13, с. 166 – 167]. На иерархичной соподчинённости государственного и политического режимов и неременной связи этих алгоритмов управления с правами и свободами человека настаивает Д.И. Голушков, который считает складывание политического режима конечным итогом действия государственного режима, характеризующегося определённым уровнем развитости и гарантированности прав и свобод человека [14, с. 15 – 16].

В целом же наслоение смыслов, множественность наличествующих определений, неизбежные повторы при описании превращают государственный режим в некий плеоназм теории государства и права. Поэтому актуален вопрос о выяснении объёма содержания концепта государственного режима и установлении его собственного места в юридическом глоссарии.

Мы стоим на стороне тех исследователей, которые выделяют государственный режим в отдельную государственно-правовую категорию, признавая наличие познавательной-оценочной связи государственного и политического режима, в рамках которой государственный режим позиционируется «в качестве ядра (базиса) политического режима» [7, с. 69]. При этом государственный режим мы относим в по-

нятийном плане к форме государства, а вот политический режим считаем возможным рассматривать в общем контексте социальной инсталляции политической системы общества, и в таком ракурсе политический режим опосредованно фиксирует вполне определённый аксиологический поворот соответствующей политической системы. Как справедливо подчёркивает М. Г. Тирских, «совпадение объёмов политического и государственного режима в современных государствах практически не встречается», а «отождествление политического и государственного режима невозможно даже при условии функционирования тоталитарного политического режима» [15, с. 10].

Итак, с нашей точки зрения, в когнитивной проекции государственный режим – это базисная государственно-правовая категория, указывающая на доминирование определённых групп властвующей управленческой элиты, обозначающая используемую ею совокупность методов, способов и приёмов осуществления государственной власти и обуславливающая конкретный порядок их применения в реальном государстве. Наряду с этим, государственный режим изначально по природе своей играет решающую роль в утверждении исходного характера форм и других присущих атрибутов любого государства. В прагматическом отношении государственный режим выполняет целый ряд важных функций фундаментального государственного института (что заслуживает отдельного рассмотрения), в том числе, регулятивную и охранительную, а реальное воплощение им государственной политики, по справедливому замечанию Ю. А. Кудрявцева, предполагает и применение методов государственного принуждения [16, с. 10 – 11].

Государственный режим, трактуемый нами как государственно-правовое явление, складывается и развивается под непосредственным воздействием совокупности объективных и субъективных факторов, без учёта понимания которых нельзя выяснить его смысловое содержание. Скажем, он во многом зависит от того, каков характер реальной экономики страны (для чего выделяется главный её отличительный признак: плановая, централизованная, моноориентированная, диверсифицированная, децентрализованная, рыночная и др.); какого уровня развития достигло гражданское общество; в каком состоянии находится его общая, политическая и правовая культура; как идентифицируются наличествующие тип и форма государства; чем характеризуется установившееся в обществе соотношение социально-классовых сил; какие имеются в обществе культурно-исторические, этнонациональные и иные традиции; в чём выражаются типичные и атипичные особенности стоящей у руля власти политической элиты. Перечисленные и иные подобные причинно-следственные параметры можно отнести к объективным факторам. К комплексу субъективных факторов, обеспечивающих становление и поддержание определённого государственного режима, прежде всего, относится такое важнейшее правоформирующее условие, как дух народа и его совокупная воля, что в западной теории общественного договора именуют *volonte generale* («всеобщая воля»).

На основе четырёх дифференцирующих критериев (доминирования групп властвующей управленческой элиты, характера используемых ею методов, способов и приёмов властного воздействия, порядка применения обозначенных средств и формы реализации государственной власти) можно выделить **основные формы (ви-**

ды) государственного режима. К ним мы относим: абсолютизм, дуализм, парламентаризм, министриализм, партократию. Генерализующее различие между формами (видами) государственных режимов заключается в разделении функций действующих институтов государственной власти и степени их взаимного влияния в процессе принятия государственно значимых решений. В силу своей концептуальной природы государственный режим наиболее чутко реагирует на происходящие социальные процессы и общественные изменения, на соотношение социально-классовых сил в стране и выступает самым динамичным элементом формы государства, придавая ей индивидуализированный образ.

Абсолютистский государственный режим – это атрибутивная форма организации государственной власти с доминированием методов единовластия, выражающаяся в неограниченных возможностях одного властвующего лица разрешать всю совокупность вопросов государственного управления. Как правило, абсолютистский государственный режим присущ монархическим государствам с высочайшей централизацией государственной власти, с сильно разветвлённым бюрократическим аппаратом, с постоянной армией и полицейскими силами, с опорой на октроированный конституционный акт. Законодательно закреплённое господство монарха превращает наличествующий парламент в консультативное государственное учреждение. К числу стран с абсолютистским государственным режимом относятся: Бахрейн, Бруней, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия. Причём, довольно часто режим абсолютизма сопровождается концентрацией, наряду с собственно государственной, религиозной власти в руках правящего монарха.

Современный абсолютистский государственный режим значительно эволюционировал, и в настоящее время открытый произвол и установление диктатуры практически маловероятны. Кажущаяся его архаичность не мешает формированию благоприятного политического климата, комфортному положению населения, скорее наоборот, наблюдается наличие широкой социальной базы, развитие устойчивой и вполне конкурентной экономики. Причём, монарх пользуется большим авторитетом в обществе и, в условиях отсутствия оппозиции, проводит целенаправленный курс социально ориентированной государственной политики, а сосредоточение власти позволяет оперативно принимать эффективные государственные решения, подготавливать хорошую почву для преобразований в стране, минимизировать бюрократизм и коррупцию в органах государственной власти. В результате произошедшей эволюции абсолютизм выступает в качестве успешно действующего легитимного государственного режима в современном мире.

Дуалистический государственный режим – это дифференцированная двухвекторная форма организации государственной власти, обеспечивающая совместную реализацию функций государства исполнительными и представительными властными институтами путём компромисса и противоборства с (пере)распределением объёма полномочий. В этом случае наиболее полное воплощение получает принцип разделения властей, и соответственно на политической арене сильную роль одновременно играют парламент и глава государства, складывается социальная конструкция из взаимного управленческого влияния и политической от-

ветственности. С нашей точки зрения, можно выделить два вида дуалистического государственного режима: монархический и республиканский, отличающиеся между собой методами осуществления государственной власти. Но некоторые авторы режим дуализма власти связывают только лишь с дуалистической монархией [11, с. 51].

Монархический дуалистический государственный режим установился в Иорданском Хашимитском королевстве, где наблюдаются демократические тенденции в общественном развитии, и Королевстве Марокко, где усиливаются промонархические начала и дело ограничивается парламентским «обрамлением» государственного режима. В любом случае при дуалистическом государственном режиме монархического толка речь идёт о либерализации абсолютизма.

Республиканский дуалистический государственный режим обозначает в качестве источника власти народ, делегирующий в результате свободных выборов властные полномочия главе государства и национальному парламенту, которые приобретают определённую независимость друг от друга, но остаются относительно зависимыми от общественного мнения, от волеизъявления народа. США выступают классическим примером дуалистического государственного режима республиканского толка, хотя в нём присутствуют элементы министриализма, если учитывать влияние Совета национальной безопасности, Национального экономического совета и других структур. Республиканский дуалистический государственный режим функционирует «в полупрезидентской республике (Российская Федерация, Франция, Португалия, Казахстан, Украина), сочетающей в себе лучшие черты как президентской формы правления, так и парламентарной» [17, с. 99].

Парламентаристский государственный режим – это делегированная форма организации государственной власти, опирающаяся на механизм публичного принятия решений демократически избранным представительным учреждением. Верховенство парламента в таком контексте рассматривается одновременно как юридически закреплённая прерогатива и как фактически реализуемая публичная власть, когда представительному органу власти полностью подчинено и всецело подконтрольно правительство, даже в случаях, если его не поддерживает парламентское большинство. Как подчёркивает М. А. Могунова, режим парламентаризма определяется «реальными взаимоотношениями, складывающимися между законодательной и исполнительной властями в каждом конкретном государстве, при котором ведущую роль играет парламент» [18, с. 27]. Тем самым, режим парламентаризма не вписывается в смысловые пределы концепта президентской республики. Впрочем, есть авторы, полагающие, что «парламентаризм неправомерно рассматривать исключительно как определённую форму правления и (или) как определённый государственный режим» [19, с. 25]. Разделяя эту точку зрения, В. Г. Баев и В. В. Крамской предлагают выделять четыре структурных элемента в политическом (государственном) режиме: нормативный, доктринальный, содержательный и государственно-социальный [20, с. 12 – 19], в чём имеется своё рациональное зерно.

Парламентаристский государственный режим сегодня существует в Дании, Испании, Италии, Швеции.

Министериаальный государственный режим – это структуралистская форма организации государственной власти, предусматривающая функционально первостепенную деятельность официально созданных ведомств и должностных лиц со свойственной сферой компетенции и императивным характером методов решения государственно значимых дел, при сохранении влияния представительного учреждения. Министериализм отводит главенствующие позиции в реализации властных полномочий органам исполнительной власти, выступает государственно-политической противоположностью парламентаризму, хотя и допускает формальное равенство с парламентом исполнительных властных институтов. Министериальный государственный режим, исходя из своей двойственной опоры на ведомственные структуры и должностных лиц, отличается неоднородностью и общей эволюцией от практики коллективного принятия решений к приоритету власти премьер-министра, не исключает политических коллизий на этой почве, столкновения принципа коллегиальности и принципа единоначалия. Поэтому можно говорить о двух видах рассматриваемой формы организации государственной власти: министериальном режиме кабинета и министериальном режиме главы правительства.

Министериальный государственный режим главы правительства в классическом варианте мы наблюдаем в ФРГ, где канцлер занимает ключевое положение в государственном управлении и наличествующей системе политических координат Германии. Современная Германия является федеративным государством, поэтому канцлер в своей политике учитывает и эту особенность государственного устройства, хотя, по справедливому замечанию Д. Ю. Шапсугова, факторы общегосударственной консолидации делают децентрализацию ограниченной тенденцией в государственном строительстве, и местная власть выступает как «юридически оформленная система деятельности местного общества и граждан» [21, с. 136]. Сегодня у власти в Германии находится «большая коалиция» (ХДС/ХСС и СДПГ) во главе Ангелой Меркель, занимающей должность рейхсканцлера с 2005 г. Кроме ФРГ, министериальный режим главы правительства существует в Австрии, Дании, Нидерландах.

Министериальный государственный режим кабинета обусловлен формированием однопартийного правительства, которое создаёт победившая на очередных выборах в парламент страны политическая партия в рамках процедурных правил инвеституры. После получения большинства голосов лидеры партии остаются депутатами и входят в состав правительства, что позволяет им контролировать законодательную и исполнительную власть и проводить свой политический курс. Классическим примером министериального государственного режима кабинета можно считать Великобританию, где функционирует двухпартийная система. Такая же политическая практика сложилась в Канаде, Австралии и ряде других стран. Режим кабинета имманентно присущ и для Японии с её многопартийной системой, когда традиционно у власти находится одна доминирующая партия.

Партократический государственный режим – это номенклатурная форма организации государственной власти, предполагающая использование партийных механизмов воздействия, идеологического рассмотрения и командно-административного решения партийными чиновниками государственных дел.

Партократию традиционно связывают с существованием советских республик, где «руководящей и направляющей силой» общества выступала коммунистическая партия (статья 6 Конституции СССР 1977 г.), а «неправящие партии» действовали при условии отказа от претензий на власть и статуса политической оппозиции [22, с. 486], но этот режим имеет гораздо более широкие исторические перспективы и сохраняется не только в современных странах, не утративших стремление к коммунистическим идеалам. Государственная публичная власть нередко растворяется в латентной власти партий в странах, где коммунисты никогда не обладали серьёзным политическим влиянием, скажем, приход к власти в США в 2016 – 2017 гг. президента Дональда Трампа продемонстрировал сильнейшие партократические тенденции в политической системе. Также заметим, что партократия допускала существование усечённых многопартийных политических систем при сохранении лидирующей роли коммунистической партии, например, в Польше (1945 – 1989 гг.), когда компартия осуществляет многопартийное сотрудничество в условиях своего доминирования.

При партократии реальная власть находится в руках иерархически выстроенного партийного аппарата, но это не исключает функционирования представительных учреждений, избираемых на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. К числу этих учреждений относятся: народные советы и Национальное собрание во Вьетнаме, собрания народных представителей в Китае, ассамблеи народной власти на Кубе. Однако представительные органы выстраиваются в иерархические системы с жёстким подчинением нижестоящих структур вышестоящим, и в результате складывается многоуровневая пирамида власти с разветвлённым бюрократическим аппаратом. Тем не менее, нельзя назвать партократический режим совершенно однородным социальным образованием, и его можно классифицировать по критерию субъекта, осуществляющего реальную власть, с выделением двух основных видов партократии: режима главы партии и режима партийной номенклатуры. Режим главы партии в настоящее время действует в Корейской Народно-Демократической Республике и Республике Куба.

В качестве классического примера государственного режима партийной номенклатуры выступает Китайская Народная Республика, где численность коммунистической партии превышает 80 млн. человек, хотя в КНР, кроме компартии, и поныне функционируют ещё 8 «демократических партий» численностью около 1 млн. человек, возникших до 1949 г. [23, с. 265] С некоторой страноведческой спецификой функционирует государственный режим партийной номенклатуры в Лаосской Народно-Демократической Республике и Социалистической Республике Вьетнам.

Таким образом, говоря о встраивании концепта государственного режима в общий юридический глоссарий, мы обращаемся к форме правления, а она в конкретном государстве презюмирует вполне определённую юридическую модель взаимоотношений между наличествующими высшими государственными органами. А вот реальный порядок их функционирования и взаимодействия непосредственно связан с государственным режимом, поэтому его можно понять лишь при тщательном изучении базисных элементов (составных частей) формы государства. Действующий государственный режим нередко и довольно существенно отличается от прописанной в законодательстве конституционной модели. Более того, государственный режим на

практике может быть противоположен сложившейся форме правления, поскольку государственный режим – это генерализующая государственно-правовая категория, указывающая на доминирование конкретных групп властвующей управленческой элиты, обозначающая используемую ею совокупность методов, способов и приёмов осуществления государственной власти, определяющая порядок их применения в реальном государстве. Тем самым, государственный режим, в одной плоскости суждений, это идентифицированная форма организации государственной власти, а, в смежной области его реализации, он воплощается в совокупности методов, способов и приёмов её осуществления политическими субъектами. Доминирование групп властвующей управленческой элиты, характер используемых методов, способов и приёмов осуществления государственной власти, порядок применения обозначенных средств, используемые в качестве критериальных оснований, позволяют выделить следующие основные формы (виды) государственного режима: абсолютизм, дуализм, парламентаризм, министриализм, партократию, которые, в свою очередь, допускают видовое разнообразие, что даёт возможность государственному режиму чутко реагировать на социальные процессы и общественные изменения, на соотношение социально-классовых сил. Вот почему государственный режим выступает самой динамичной составной частью (элементом) формы государства, придавая ей индивидуализированный образ в конкретном государстве. Государственный режим может изменяться в относительно короткий срок в одном и том же государстве, скажем, парламентаризм перерастает в министриализм, да и в совершенно «чистом виде» государственный режим никогда не существует, хотя по преобладающим тенденциям он вполне чётко определяется.

Как правомерно замечает Ю. А. Кудрявцев, «в современной науке государствоведения ведётся активная полемика относительно обоснованности использования термина «политический режим», и приводится всё больше аргументов в пользу категории «государственный режим» [24, с. 9]. Здесь важно разобраться со смысловыми пределами и объёмом содержания понятия. Изложенные авторские суждения, на наш взгляд, способствуют преодолению сложившегося по отношению к пониманию государственного режима плеоназма и фиксации его в качестве самостоятельной государственно-правовой категории.

Литература

1. *Сергеева Н. В.* Государственный режим как категория современной теории государства и права // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3.
2. *Бредихин А. Л.* Понятие государственного режима и его место в системе смежных понятий // История государства и права. 2014. № 5.
3. *Калинин А. Ф.* Государственный режим: методология определения в теории государства и политологии // Мир политики. 2012. № 9.
4. *Нерсисянц В. С.* Общая теория права и государства. Учебник для вузов. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2012.

5. *Баев В. Г., Крамской В. В.* Парламентаризм и политический (государственный) режим осуществления власти: методологический аспект диалектики развития двух понятий // Современное право. 2014. № 2.
6. *Проценко Е. Д., Бредихин А. Л.* Государственный режим в системе элементов формы государств // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11–2.
7. *Авилова О. Е.* К вопросу о государственном режиме как элементе формы государства // Гражданское общество и правовое государство. 2015. Т. 1. и др.
8. *Кожевникова Ю. С.* Политический и государственный режимы (аспекты соотношения) // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2008. № 24.
9. *Погодин А. В.* Правореализация и государственный социально-правовой режим // Учёные записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 153. Кн. 4. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2013.
10. *Панкратов С. А., Соколов И. М.* Глобальные и региональные факторы политического риска государственному режиму в условиях реализации национальной модели модернизации // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2.
11. *Осавелюк А. М.* Государственный режим и политический режим: допустимо ли отождествление? // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4.
12. Теория государства и права. Учебник / Под ред. А. С. Пиголкина. М.: Юрайт-Издат, 2012.
13. Теория государства и права. Учебник / В. Я. Любашиц, А. Ю. Мордовцев, И. В. Тимошенко, Д. Ю. Шапсугов. Предисл. С. А. Комарова. М.; Ростов н/Д: ИЦ «Март», 2003.
14. *Голушков Д. И.* Политический режим России: особенности формирования и правового регулирования. Дис... канд. юрид. наук. Омск, 2006.
15. *Тирских М. Г.* Соотношение политического, государственного и государственно-правового режимов // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1.
16. *Кудрявцев Ю. А.* Государственный режим как теоретико-правовая категория // Theory and Practice of the restoration of rights. 2015. № 1(4).
17. *Осавелюк А. М.* Форма правления и государственный режим: поиск оптимального сочетания // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 1 (102).
18. *Могунова М. А.* Скандинавский парламентаризм: Теория и практика. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001.
19. *Керимов Д. А.* Понимание парламентаризма и перспективы его развития в России // Гражданин и право, 2002. № 7 – 8.
20. *Баев В. Г., Крамской В. В.* Парламентаризм и политический (государственный) режим осуществления власти: методологический аспект диалектики развития двух понятий // Современное право, 2014. № 2.
21. *Шапсугов Д. Ю.* Местная власть в России и Германии. Вопросы теории, истории нормативного регулирования. Кн. I. Ростов н/Д., 1994.

22. Гудошников Л. М. Эволюция политических систем и политических институтов Китая // Восток и политика: политические системы, политические культуры и политические процессы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011.
23. Симоненко О. А. Современные партократические режимы и их перспективы в незападных политических системах АТР // Вестник Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск), 2013. № 4(31).
24. Кудрявцев Ю. А. Государственный режим как теоретико-правовая категория // Theory and Practice of the restoration of rights. 2015. № 1(4).

Skorik Aleksandr Pavlovich, Doctor of Science (History), Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Russian History, South-Russian State Technical University (NPI), named by M. I. Platov, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (132, Prosveshcheniya st., Novocherkassk, 346428, Russian Federation).

E-mail: s_a_p@mail.ru

Neveselov Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Law, docent of the Department of Public and Law Academic Disciplines, South-Russian State Technical University (NPI), named by M. I. Platov (132, Prosveshcheniya st., Novocherkassk, 346428, Russian Federation).

E-mail: spirit2008net@mail.ru

STATE REGIME AS SCIENTIFIC CATEGORY THEORIES OF THE STATE AND RIGHT

Abstract

The article discusses the definition of the state regime actively discussed in Russian statehood, presents current views on the identification of the state regime, expounds the author's position on the state regime and its key parameters, determines the place of the notion of the state regime in a legal glossary, characterizes the main forms (types) state regime, the expediency of assigning the state regime to the basic categories of the state theory and law is proved.

Keywords: *state regime, government, definition, political regime, point of view, form of state, legal glossary.*